

Голос Шэнь Вэня, рассказывавшего сказку, звучал мягко и приятно, с присущей ему неторопливой мелодичностью, и медленно растекался в ночном воздухе древнего замка.

В это же время игроки, решившие действовать под покровом ночи, украдкой добрались до коридора первого этажа, воспользовавшись предметом невидимости.

В первый день, когда маленький хозяин водил их по замку, они уже бывали здесь.

Тогда игроки специально запомнили этот коридор и крепко удержали в памяти всю его планировку.

Игрок-женщина с короткой стрижкой шла первой. Свернув из крайнего левого угла, она затаила дыхание и с предельной осторожностью сделала первый шаг.

Предмет невидимости был высокого уровня, и, даже пройдя на две-три ступени вперёд, она всё ещё не привлекла внимания монстров.

Но даже так игрок-женщина с короткой стрижкой не позволила себе расслабиться.

В руке она крепко сжимала свой спасительный предмет — хрустальную подвеску, которая в критический момент могла один раз защитить от смертельного удара.

Следом за ней шёл ещё один смелый игрок-мужчина. По их плану он должен был неотрывно следить за левой стороной коридора.

Случайно налетев на неё, он тихо втянул воздух и шёпотом спросил:

— Почему остановилась?

Игрок-женщина с короткой стрижкой подняла голову и, не мигая, смотрела на картины, висевшие на стене коридора.

— Лысый, ты помнишь, какие картины висели здесь в первый день, когда мы осматривали замок?

У Лысого была отличная память, и раньше именно он запоминал почти всю информацию, связанную с древним замком.

Услышав её слова, Лысый шагнул вперёд и осторожно оглядел развешанные вдоль коридора

картины.

Пробежавшись взглядом слева направо, он резко втянул воздух и поспешно кивнул.

— На стене появилась ещё одна картина!

Это была слишком уж очевидная зацепка.

Та самая яркая, пылающая как солнце картина с подсолнухами теперь висела в самом центре стены.

Прежние полотна хозяина замка рядом с ней почти утратили значение и будто превратились лишь в обрамление, в декоративный фон для этой картины.

Лысый мгновенно запомнил и содержание картины, и её расположение. Переглянувшись с игроком-женщиной с короткой стрижкой, они оба быстро отступили.

Удачно выбравшись из коридора, игроки вернулись в спальню и начали новый раунд обсуждения.

— Я думаю, содержание этой картины точно связано с ядром нынешнего инстанса!

— Подсолнухи... Что это вообще может означать?

— А если дело не в самой картине? Уже одно то, что она вдруг появилась там ночью, достаточно подозрительно!

Игроки спорили, выдвигая каждый свою версию. Немного поразмыслив, молчавшая до этого игрок-женщина с короткой стрижкой наконец заговорила:

— Вчера ночью вы все были не в том состоянии, и я одна ходила искать зацепки. Тогда я нашла книгу со сказкой про приключения рыцаря.

Остальные не поняли, к чему она клонит, и озадаченно спросили:

— Книгу со сказкой? О чём она?

Игрок-женщина с короткой стрижкой вкратце пересказала всем сюжет:

— Примерно так: храбрый рыцарь отправился исследовать опасное место, обнаружил тайну, в

конце добыл ключ и благополучно выбрался.

Услышав это, все сразу оживились.

— Этот сюжет очень похож на нашу ситуацию. Может, этот рыцарь — мы?

— Значит, нужно получить ключ. Но у кого он?

Игрок-женщина с короткой стрижкой облизнула пересохшие губы. Вспомнив всё, через что им пришлось пройти в замке за эти дни, она высказала свою догадку:

— Возможно, рыцарь — вовсе не кто-то из нас. Вы не забыли, за кем именно мы пришли в замок?

В той сказке храбрый маленький рыцарь был только один.

Эта ночь прошла тихо и мирно, не всколыхнув даже лёгкой ряби.

А утром свет вспыхнул почти мгновенно, проник в спальню и лёг бледными полосами на светлые простыни.

В лучах плавали мельчайшие пылинки. Дневное время в инстансе и близко не было таким сияющим, как в реальности, но всё же оставалось ясным и светлым.

Синно спал, вскинув ручки над головой и выпятив попку, распластавшись на кровати в крайне трогательной позе. Дышал он ровно и легко.

В предыдущие две ночи снизу постоянно доносился шум, и Синно толком так и не удавалось выспаться.

Но этой ночью всё стихло, и он спал так сладко, что ему даже ничего не приснилось.

В ту же секунду, как наступил день, Шэнь Вэнь, простоявший всю ночь у двери спальни, вошёл внутрь.

Промокшие рукава у него уже почти высохли и теперь смятыми складками спадали к белым запястьям.

Почувствовав в комнате ещё одно тёплое дыхание и увидев эту маленькую головку светло-золотых волос, похожую на крохотное солнце, Шэнь Вэнь будто в одно мгновение заметил, как вся спальня ожила.

Ещё вчера она казалась пустой и холодной, а сегодня, с появлением малыша, в ней будто прибавилось жизни.

Шэнь Вэнь так любил выращивать цветы именно потому, что ему нравился миг их жаркого, полного расцвета.

Но сколько бы он их ни растил, холодные цветы всё равно не могли подарить ту живую, сияющую бодрость, которую приносил с собой этот ребёнок.

Шэнь Вэнь присел на край кровати, посмотрел на давно остывший имбирный отвар у постели и, опустив глаза, молча уставился на порозовевшее во сне личико Синно.

Если не считать их самой первой встречи в замке, Шэнь Вэнь почти никогда так долго не разглядывал Синно.

Щёки у малыша были белыми и розовыми, ресницы — густыми, глазницы чуть глубже обычного и в самом деле немного напоминали его собственные, носик — чуть пухлый, и оттого особенно милый.

Шэнь Вэнь смотрел долго, но так и не увидел в нём ничего особенного.

Почти ничем не отличается от обычного человеческого ребёнка. Разве что слабее, капризнее и всё время норовит прилипнуть.

Хотя ведь уже понял, что он не тот же самый папа.

И всё равно без конца зовёт его папой.

Шэнь Вэнь поднялся, о чём-то задумался, тихо вздохнул и вернулся к себе, чтобы переодеться.

Заодно забрал и ту чашку с густым, резким имбирным отваром.

Раз уж малыш уже поправился, она ему больше не понадобится.

Синно выспался всласть. Когда он проснулся, тёмные круги под глазами, державшиеся у него последние дни, исчезли без следа, и осталась только нежная бело-розовая кожа.

Потягиваясь и зевая с поднятыми ручками, он даже не стал переодеваться. Вспомнив о том, что так и не успел съесть, малыш поспешил искать папу — просить печенье.

— Папа!

Шлёпая тапочками, Синно подбежал к двери папиной спальни, похлопал по ней ладошкой и попытался выманить ленивого папу изнутри.

Шэнь Вэнь только-только переоделся и даже не успел надеть украшения, как этот малыш всё-таки вынудил его открыть дверь.

— Что такое? — Шэнь Вэнь открыл дверь и беспомощно посмотрел вниз.

Синно тихонько фыркнул, гордо задрал подбородок и первым делом полез к папе потереться.

Совсем как надутый котёнок, он тёрся об него и при этом говорил:

— Папа совсем глупенький стал. А где печенки и молочко для малыша?

И тут же добавил:

— И мёда много-много сладкого!

Кудряшки Синно щекотно тёрлись о его ногу. Шэнь Вэнь вытянул руку и прижал палец ко лбу малыша.

— Молоко? Печенье? А ты, я смотрю, умеешь жить с комфортом.

Лоб был прижат пальцем, и Синно уже не мог сунуться вперёд. Он приподнялся на цыпочки, беспокойно потоптался на месте и, надувшись, сказал:

— Это папа обещал! Обещал малышу печенье!

Плохой папа. Проснулся — и опять всё забыл!

— Вчера... вчера малыш сонный был и не успел скушать!

Синно сердито поджал губки, и мягкие щёчки тут же обиженно надулись.

— Раз папа забыл, тогда... тогда пусть отдаст малышу в качестве компенсации две печеньки.

Подражая обычной манере папы, Синно скрестил коротенькие ручки на груди, задрал подбородок и принялся «рассуждать по-взрослому».

Шэнь Вэнь уже почти хотел тоже сложить руки на груди, но, увидев это зрелище, дёрнул уголком рта, опустил руку и ткнул малыша в щёку.

— Размечтался.

Сказал он это строго, но уголки губ сами собой приподнялись.

— Двух не будет. Максимум одна печенька.

Шэнь Вэнь повернулся и пошёл обратно в комнату, чтобы надеть забытые украшения.

Синно недовольно продолжал дуться и, еле переставляя ноги, поплёлся следом. Увидев, как папа надевает на палец кольцо с фиолетовым агатом, он не удержался и тоже вытянул коротенький пальчик.

— Малыш тоже хочет надеть.

Раньше папа очень любил носить эти красивые, изящные, прохладные на ощупь камушки, а когда Синно было чуть больше двух лет и у него резались зубы, он обожал грызть их.

Со временем Шэнь Вэнь испугался, что малыш повредит зубы, и почти перестал носить украшения.

Увидев, как тот с полной уверенностью требует кольцо, Шэнь Вэнь щёлкнул его по макушке.

— У тебя пальцы слишком короткие. Подрастёшь — тогда и поговорим.

Синно послушно отозвался:

— О-о.

И убрал коротенькие пальчики. Подперев ладонями щёки, он улёгся на стул и уставился на папу, бормоча себе под нос:

— Печеньки должны быть шоколадные, сладкие, хрустящие... и молочко тоже...

Каждое слово — только о еде.

Шэнь Вэнь невольно рассмеялся и, глядя на его бормотание, не удержался:

— А почему за обычной едой я не вижу, чтобы ты лишний кусочек съел? Почему только о печенье без конца твердишь?

На самом деле Синно не то чтобы так уж любил сладости.

Просто ему нравилось, когда папа уговаривал его, соблазняя вкусняшками, гладил по спинке и укладывал малыша спать.

А потом ещё брал за руку, вёл на кухню, сидел рядом, пока тот пил молочко и ел печенье.

Синно тихонько фыркнул. Он был слишком мал и сам не мог объяснить почему, поэтому только пробормотал папе:

— Папа не ест — малыш ест.

Шэнь Вэнь и впрямь уже спасовал перед этим маленьким приставалой и только беспомощно покачал головой.

— Ладно-ладно. Пойдём вниз, попросим кухарку тебе сделать.

Услышав это, Синно сам схватился за папин палец и тоненьким молочным голоском поправил:

— Нет, это дядя-кондитер делает. Папа, ты опять перепутал!

Шэнь Вэнь и правда не мог удержать в голове, кто именно был в замке — кухарка или кондитер.

Помимо древнего замка, он часто бывал и в поместье, и в городе. Слуг-монстров вокруг было слишком много, и для него такие мелочи просто не стоили усилий памяти.

— Понял, — без особого интереса ответил Шэнь Вэнь.

Синно поднял голову и тихо забормотал что-то про дядю-кондитера:

— Дядя-кондитер очень любит плакать. Малыш много раз видел.

У большинства слуг в замке был свой неповторимый характер.

Кухарка — резкая, кондитер — льстивый, дворецкий — чопорный...

Но всех их без исключения объединяло одно: единственного маленького хозяина они обожали и были ему беззаветно преданы.

Синно знал, что папа наверняка опять всё забудет, и потому вполголоса повторял ему это рядом, чтобы тот больше не путал.

А договорив, малыш даже не удержался — покачал головой и тихонько, по-взрослому вздохнул.

Что бы вообще этот замок делал без малыша!

<http://bllate.org/book/13700/1589010>